

На третий день после того случая — а шёл уже семьдесят седьмой день их службы в роте новобранцев, — за сорок две минуты до отбоя стряслось то, чего никто не ожидал. Кашу заварил Сунь Дунлинь, а вторым участником драмы стал Ли Дун. Спрашивается, как вообще между этими двоими, которые в жизни дела друг с другом не имели, пробежала искра?

А началось всё с одной-единственной фразы. В тот момент Чжао Баи и Ван Эрмао валялись на койке, увлечённо играя в детскую забаву — вытаскивали спички из кучи, стараясь не пошевелить остальные. Ли Дун травил байки со своим земляком. И тут наш дорогой товарищ Сунь Дунлинь, в котором внезапно проснулся великий сыщик, ласточкой слетел со второго яруса. Сверкая голыми пятками, он в несколько строевых шагов подскочил к кровати Ли Дуна, ткнул в него пальцем и громогласно объявил:

— Товарищ Ли Дун! А ведь главный подозреваемый у нас — ты!

В кубрике мгновенно воцарилась гробовая тишина. У Чжао Баи дрогнула рука, и вся гора спичек с треском рухнула. У Юн, возившийся с клеем для своей бритвы, ляпнул его себе прямо на пальцы. А Юань Бинхуа, строчивший ежедневный отчёт, так дёрнул рукой, что перо оставило жирную кляксу на бумаге. Четвёртое отделение на секунду засуетилось, устраняя последствия аварий, но едва наведя порядок, все как один уставились на главных героев драмы, боясь пропустить хоть слово из этой «прямой трансляции».

Ли Дун уставился на него бешеным взглядом, со всей дури шарахнул ладонью по койке и взвился:

— Ты, блядь, за базар-то отвечаешь?! Какого хрена ты тут мелешь, придурок?!

Время сейчас и так было наэлектризованное. Дойди до ушей взводного Ван Ана хоть малейший слух, он разбираться не станет — сразу сделает виноватыми всех подряд. Но упрямый Сунь Дунлинь отступить не собирался.

— Хе-хе, доказательств захотел? — прищурился он. — Ну так прочисти свои локаторы и слушай внимательно. Да и парни из четвёртого пусть послушают и рассудят, прав я или нет.

Сунь Дунлинь уже набрал в грудь воздуха, чтобы начать свою обличительную речь, как вдруг осёкся, развернулся и побежал обратно. Оказалось, ледяной пол обжёг босые ступни, и он решил сначала обуться. Парни только рты приоткрыли от такого эпического провала. Когда этот нелепый казус разрешился, сыщик наконец встал посреди Четвёртого отделения и начал вещать:

— Во-первых, в тот вечер бритву У Юна кланчили несколько человек. Ты в том числе. Понятное дело, под подозрением может оказаться любой из нас, включая меня. Но у тебя рыльце больше всех в пуху. Почему? А вот слушайте пункт второй. Мужики, кто-нибудь помнит, у кого эта штуковина осталась в руках, когда мы возвращались в кубрик?

Сунь Дунлинь обращался именно к тем, кто тоже одалживал бритву: к Гуань Чжэну, спавшему по соседству с Юань Бинхуа, Фэн Ханьвэню с верхнего яруса и Хань Бину, чья койка была под койкой самого Сунь Дунлиня.

Фэн Ханьвэнь, малый сообразительный, так и завращал хитрыми глазками, выстраивая в голове картину того вечера. Спустя пару секунд он с размаху хлопнул себя по колену и воскликнул:

— Точно! Вспомнил! У Ли Дуна она и осталась!

— Потихе ты! — шикнул на него Юань Бинхуа, строго сведя брови. — Услышат снаружи — мало никому не покажется.

Фэн Ханьвэнь тут же виновато заулыбался и замахал руками, признавая ошибку.

— Вот именно, у Ли Дуна! — победоносно подхватил Сунь Дунлинь. — И он тогда ещё сказал У Юну: мол, не прячь пока бритву в тумбочку, завтра утром придет комиссия шмонать личные вещи. Посоветовал У Юну держать её при себе, а как проверка кончится — убрать обратно. Парни, было такое?

— Было, — подтвердил Хань Бин.

Лицо у него было ледяным, полностью под стать имени. Этот скуластый, вечно серьёзный с виду парень в душе обожал дурацкие шутки и никогда не упускал случая поучаствовать в общей суматохе.

Ли Дун заметно помрачнел. Его кулаки сжались с такой силой, что побелели костяшки, а во взгляде, устремлённом на разжигателя спора, появилось что-то по-настоящему опасное.

— Сунь Дунлинь, сука ты паршивая, — процедил он сквозь зубы, взвешивая каждое слово. — Даже не думай вешать на меня эту херню! Я тогда чисто о безопасности У Юна пёкса!

Он резко обернулся к У Юну, ожидая поддержки, но тот лишь смотрел на него со смесью сомнения и глухого недоверия. В груди у Ли Дуна похолодело. Поняв, что дело принимает скверный оборот, он заговорил быстрее, почти срываясь на крик:

— У Юн, брат, да ты не слушай этого придурка! Этот пиздобол вечно горазд сплетни плодить. Я пальцем твою бритву не трогал, клянусь!

Но было поздно — семена сомнения уже дали всходы. Даже земляк, с которым он только что мирно болтал, молча поднялся и ушёл на свою койку, решив от греха подальше держаться в стороне. Видя это, Ли Дун окончательно потерял самообладание. Ярость затопила его разум.

— Сунь Дунлинь! Ах ты ж гнида... — зарычал он.

— Да ты не дёргайся, дай договорить, — самодовольно ухмыльнулся Сунь Дунлинь, чувствуя за спиной молчаливое одобрение взвода. — Я тебя, голубчик, так припру, что сам во всём сознаешься.

Ли Дуну пришлось проглотить обиду и сжать зубы, сдерживая рвущиеся наружу кулаки.

— Ну давай, блядь, рожай! — выплюнул он. — Очень хочу посмотреть, откуда ты свои «доказательства» высосешь!

— Пожалуйста, — осклабился Сунь Дунлинь. — Начнём с того, что той ночью мне жутко приспичило в туалет. Я проснулся и своими глазами видел, как ты воровато крался от тумбочек обратно к своей койке. Да, спросонья у меня в глазах плыло, и до деталей я не разглядел, чё именно ты там делал. Но то, что ты тёрся у шкафчиков — факт железобетонный. Вот и ответь общественности: какого хрена тебе не спалось среди ночи и чего ты там вынюхивал?

Ли Дун на мгновение потерял дар речи, а Сунь Дунлинь, почувствовав его замешательство, распалился ещё пуще:

— Что, язык проглотил? А теперь вишенка на торте. Утром, когда всё вскрылось, ты подорвался самым первым. Хотя обычно тебя до последнего из коек не выковырять, вечно дрыхнешь до команды «подъём». С чего вдруг такая бодрость прорезалась? Не оттого ли, что совесть спать не давала, а?

— Да ты!.. — задохнулся от возмущения Ли Дун.

Его замешательство сыграло с ним злую шутку: для остальных это выглядело как молчаливое признание вины. В кубрике зашептались, чаша весов стремительно склонялась в сторону версии Сунь Дунлиня. Ли Дун метался взглядом по лицам товарищей, понимая, что его топят, но отчаянные попытки оправдаться застревали в горле.